

Рукописная традиция и богодухновенность новозаветного текста

Иеромонах Павел (Коротких)

Вера христианина, убежденного в неизменности текста Нового Завета (далее — НЗ), подвергается серьезному испытанию, когда он сталкивается с многообразием вариантов текста в рукописях. Особенно в последнее время все громче раздаются голоса критиков, использующих методы современной текстологии для дискредитации Библии как богодухновенного текста¹. Действительно ли наличие разных вариантов НЗ ставит под сомнение его богодухновенность и как относиться к разночтениям в нем, рассуждает преподаватель Коломенской духовной семинарии кандидат богословия Иеромонах Павел (Коротких).

В свое время Ориген, руководствуясь географическими и этимологическими соображениями, счел, что местом Крещения Спасителя в Ин. 1, 28 должна была быть названа Вифавара, а не Вифания (как значилось в древнем тексте)². Впоследствии именно «Вифавара» закрепилась в большей части греческих рукописей НЗ. В таком виде этот текст существует сегодня в церковнославянском и Синодальном переводах. Однако, в Остромировом Евангелии, древнейшем русском списке этого текста, в Ин. 1, 28 стоит дооригеновский вариант «в Вифании».

Этот пример показывает, что вопросы текстологии НЗ не являются для нас чем-то далеким и отвлеченным. Греческий текст НЗ изменялся со временем, а вслед за этим менялись и переводы, которые выполнялись с греческих оригиналов³. Можно ли с достаточной уверенностью определить, какое из чтений — подлинное? Для начала попробуем вкратце рассмотреть методы, используемые при подготовке критических изданий НЗ современными учеными.

Текстология Нового Завета

Тексты НЗ, сохранившиеся в рукописной традиции, классифицируются учеными в зависимости от краткости или пространности редакции, включения или исключения определенных фрагментов текста, особенностей языка и др.

Большинство исследователей придерживается мнения о древности Александрийского типа текста. Это самая краткая его форма (по сравнению с Византийским, Кесарийским и Западным типами)⁴. Именно на основе Александрийского типа редакторы критических изданий НЗ пытаются восстановить изначальный облик текста НЗ.

Другая важная группа свидетелей — Западный тип. Он считается «народной», «неконтролируемой» версией НЗ⁵. Судя по всему, многие вставки проникли в позднейшие версии текста НЗ именно из рукописей Западного типа. И Александрийский, и Западный типы текста использовались древними отцами Церкви, что видно из цитирования ими Писания.

Примерно 90% сохранившихся рукописей содержат Византийский текст («Койне»), который до сего дня употребляется в Православной Церкви (в том числе и в Русской Православной Церкви, в церковнославянском и Синодальном переводах). Однако ученые считают Византийский текст вторичным: большинство рукописей, в которых он сохранился, — поздние, стабильный Византийский текст формируется около IX века⁶. Впрочем, с этим не согласны защитники так называемого Византийского приоритета (далее — ВП)⁷, которые заявляют, что в поздних византийских рукописях содержится оригинальный апостольский текст, промыслительно сохраненный Богом в течение веков⁸. Эта позиция еще в 1990-х подверглась жесткой критике⁹. Наиболее последовательной попыткой ее отразить являются работы Мориса Робинсона (Moris Arthur Robinson)¹⁰. Однако, несмотря на все усилия защитников ВП, большинство претензий, предъявляемых к этой гипотезе, остается в силе.

Количество сохранившихся источников

Представим себе струю воды из крана. Большая часть воды сосредоточена в основном потоке. Остальное — брызги, улетающие далеко от центра. Сравнив основной поток воды с

большинством сохранившихся манускриптов, содержащих Византийский тип текста, а далеко улетевшие капли — с немногочисленными носителями других типов, получим примерную аналогию статистической модели ВП: непрерывная передача рукописного текста в целом должна подчиняться «нормальному закону распределения» (Гаусса). Однако это объяснение сталкивается с проблемами.

Во-первых, судя по сохранившимся данным, на ранних стадиях «поток» наталкивался на серьезные препятствия (например, гонения Диоклетиана, сопровождавшиеся уничтожением рукописей НЗ). «Брызги» могут быть вызваны подобным столкновением, а не маргинальными ответвлениями от основной традиции. Проще говоря, «водяная» аналогия (как и сама гипотеза ВП) не учитывает «турбулентности» в ранний период истории новозаветного текста и того, что на этом этапе отсутствовали свидетели Византийского типа.

Кажется, в качестве примера здесь больше подходит срез дерева, внешние кольца которого со временем становятся все шире. Сердцевина же составляет небольшой процент общего объема, но именно она отражает первоначальное состояние растения (и, как самая старая часть, наиболее подвержена разрушению). В рамках этой модели внешние кольца — поздние рукописи, содержащие Византийский тип текста, а уцелевшая часть сердцевины — манускрипты Александрийского и Западного типов. Такая аналогия лучше учитывает сохранившиеся данные.

Во-вторых, сторонники ВП не смогли показать на практике, что статистический метод действительно работает так, как ими задумано¹¹.

Внутренняя логика исправлений

Как показали работы Гордона Фи, Дэниэла Уоллеса и других исследователей, Византийские чтения легко объясняются как поздние дополнения и гармонизации более древнего текста. Рассуждение в противоположном направлении чаще всего противоречит логике и здравому смыслу.

Например, в стихе Мк. 1, 2 («как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим...», Синод.) есть вариант: «ἐν τῷ Ἠσαΐᾳ τῷ προφῆτῃ» / «ἐν τοῖς προφήταις». Если второе чтение «у пророков», содержащееся в поздних византийских источниках, является изначальным,

сложно понять, зачем древнему редактору понадобилось менять его на «у Исаии пророка», ведь такое указание не точное (цитата в Мк. объединяет два пророческих изречения: Мал. 3, 1 и Ис. 40, 3). Если же предположить, что изначальным чтением было «у Исаии пророка», из этого следует, что причина исправления — «шероховатость» оригинала, которую редактор решил сгладить¹².

В этой связи можно привести и другие примеры:

1) Лк. 10, 21. В Византийском тексте добавлено «ὁ Ἰησοῦς». Это одно из самых многочисленных византийских расширений (оно проясняет фразу, в которой первоначально отсутствовало подлежащее);

2) Лк. 10, 41. В рассказе о Марфе и Марии изначальное «θορυβάζει» (др. греч. «смуцаешь криком») в Византийском тексте заменено на «τυρβάζει» (др. греч. «суетишься, волнуешься»). В последнем случае используется более мягкий по смыслу глагол, «сглаживающий» неподобающий поступок Марфы;

3) Лк. 11, 2-4, «Отче наш». Византийский вариант молитвы гармонизован с параллельным местом Мф. 6, 9-13, Александрийский же — краток и отличается от параллели в Мф. Вряд ли редактору пришлось бы в голову сокращать Молитву Господню, если перед ним находился подлинник, схожий с текстом Мф. А вот обратное действие, гармонизация, вполне объяснимо желанием сделать так, чтобы важнейший христианский текст выглядел единообразно у обоих евангелистов.

В большинстве таких случаев не ясно, зачем редактору могло понадобиться исправление «от сложного к простому». В целом следует согласиться с тем, что Византийский тип представляет собой развитие более древнего текста, который лучше сохранился в Александрийском и Западном типах. Как относиться к разночтениям в тексте Нового Завета в связи с понятием богодухновенности?

Первый вариант.

Мы можем проигнорировать вышеприведенные факты и заявить: «Писание богодухновенно в том смысле, что каждая его буква сохраняется Богом. Византийская форма текста (или, как вариант, Textus Receptus) — изначальная и богодухновенная. Выводы текстуальной критики ошибочны».

Такая «пропозициональная» точка зрения примерно соответствует позиции многих защитников ВП.

В этом есть свои плюсы и минусы. Плюс в том, что этот подход может послужить «простым ответом» на проблему разночтений в тексте НЗ.

Минусов же несколько. Во-первых, встает вопрос: какой именно текст объявляется аутентичным и богодухновенным? История христианства знает, по крайней мере, три варианта ответа на этот вопрос: Вульгата, Textus Receptus и Византийский текст большинства. В настоящее время многие протестанты поднимают на этот пьедестал критические издания Nestle-Aland'a или UBS. Несмотря на то что приверженцы некоторых разновидностей текста относятся к разным богословским «лагерям», теологическая основа их убеждений одинакова и, на мой взгляд, неверна.

Так в свое время ошиблись католики, канонизировав Вульгату на Тридентском соборе. Когда оказалось, что этот текст во многом отличается от содержания древнейших латинских и греческих рукописей, репутации РКЦ был нанесен ущерб. Примерно та же история произошла с Textus Receptus у протестантов. Попытки доказать аутентичность Византийского текста также потерпела неудачу. Что же касается современных критических изданий, то и к ним предъявляется масса претензий (в особенности в связи с эклектичностью полученного текста). Другими словами, ни один из существующих текстов не может быть безоговорочно назван подлинным, аутентичным.

Во-вторых, выбор «единственно правильного» варианта требует применения методов текстуальной критики, которую консервативный подход отрицает¹³.

Каким же образом установлен текст, который считается «непогрешимым»? Критерием истинности можно объявить православную традицию, но и она менялась со временем¹⁴, а поздний текст Византийского типа не отличается хорошей сохранностью.

В-третьих, сторонники ВП не создали убедительную экзегезу тех мест Священного Писания, на которые они опираются в попытке доказать неизменность Библии. Необходимо показать, что «единая черта» (Мф. 5, 18; Лк. 16, 17) относится именно к тексту Священного Писания, а не к Откровению в широком смысле¹⁵. Второй момент: если идею о неизменности текста

еще можно применить к НЗ, она неприменима к Ветхому Завету: в ряде случаев восстановить изначальный вид текста просто невозможно¹⁶.

Итак, настаивать на неизменности «буквы» Откровения — плохая идея. Особенно она опасна в век доступных источников (в частности, электронных копий рукописей). Позиция упорного отрицания этих данных приводит к дискредитации христианства.

Другое крайнее следствие буквализма в отношении Откровения — разочарование в богодухновенности Писания. Вера христианина, убежденного в неизменности текста НЗ, может подвергнуться серьезному испытанию в том случае, если он сталкивается с многообразием вариантов текста в рукописях. Ход мысли может привести его к тому, что Бог, допустивший утрату Откровения в его изначальной форме, относится к такому положению дел совершенно безразлично и, скорее всего, вообще не имеет отношения к текстам, которые считаются священными. Примерно так выглядят рассуждения Барта Эрмана, впавшего из одной крайности в другую: разочаровавшись в библейском буквализме, он сделался агностиком.

Второй вариант.

Мы можем избрать более конструктивную позицию: «Текст Писания — отклик человека на встречу с Богом. Формулировки текста и язык Откровения имеют второстепенное значение».

В нем есть два плюса. Во-первых, этот взгляд на Писание, который можно назвать «непропозициональным», позволяет богослову учитывать данные научных исследований. Оставляя за бортом буквалистский подход, мы освобождаемся от теоретических положений, которые расходятся с реальностью.

Во-вторых, непропозициональный подход дает место синергии Бога и человека, а не настаивает на том, что книги Писания — всецело человеческое или полностью божественное творение. Бог смиряется с человеческой немощью так же, как и в Воплощении. Ему не нужна «непогрешимая буква» для того, чтобы сохранить смысл Своего Слова. В противном случае неясно, как объяснить расхождение евангелистов в описании одних и тех же событий. Бог «по ошибке» продиктовал им разные тексты¹⁷?

Есть и два минуса. Первый: в каком-то смысле непропозициональный метод можно было бы назвать компромиссом под давлением науки. Однако, по-моему, нет ничего постыдного или унижительного в том, что религиозное мировоззрение учитывает мнение ученых, относящееся к регулярным, повторяемым событиям в материальном мире. Разумеется, необходимо проявлять в этом осторожность и воздерживаться от крайних суждений. Здравым решением было бы сочетание непропозициональной точки зрения («опытной» и исторической) с элементами умеренного пропозиционального метода¹⁸.

Во-вторых, богослов, принимающий, что текст НЗ со временем изменялся, должен ответить на вопрос: какие исправления должны быть приняты Церковью, а какие — отвергнуты? Каков критерий рецепции?

Очень показателен в этом плане литургический аспект. Если *Comma Iohanneum* (1 Ин. 5, 7–8) уже давно признана неаутентичной¹⁹, то как быть с погружающимся в купель ангелом (Ин. 5, 3b–4)? Этот текст вызывает серьезные сомнения в подлинности, но является одним из самых часто читаемых в Церкви отрывков Писания. Пространное окончание Марка (Мк. 16, 9–19) также укоренено в литургической традиции Церкви и составляет одно из чтений на воскресной утрене. Но его аутентичность также отвергается большинством исследователей.

Что делать в сомнительных случаях?

Радикальным решением было бы выведение из литургической практики чтений, которые очевидно не являются оригинальными, не обращая внимание на их укорененность в традиции. Хотя, к примеру, отказ от литургического употребления «Перикопы прелюбодейки» (*Pericope Adulterae*, Ин. 7, 53 — 8, 11; далее — ПП) имел бы некоторые основания в древнерусской богослужебной практике²⁰.

Бережное отношение к Преданию подсказывает другой вариант: введение дополнительных, альтернативных чтений для каждого сомнительного случая²¹.

Есть и еще более консервативное решение — оставить литургические чтения без изменений. Но в этом случае разобщенность между тем, что мы считаем «аутентичным» текстом, и тем, что

читается на богослужении, заставляет задуматься о некоей объединительной концепции.

Например, можно рассматривать НЗ как общность всех типов текста. Такой подход позволяет взглянуть на Священное Писание с самых разных сторон и составить более полное впечатление о взаимном влиянии традиции христианской общины и текста, которым она пользуется.

Все это относится не только к научной стороне вопроса, но и к духовной. Будучи частью Предания, Священный текст обогащался опытом Церкви. К таким изменениям не стоит относиться как к бесполезным, или даже вредным. Например, известная «монашеская» правка в фразе: «и сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы [и поста]» (Мк. 9, 29) — для ученого-критика недопустимое искажение древнего оригинала. Но для православного верующего это дополнение исполнено глубокого смысла, ведь молитва становится особенно действенной именно в соединении с постом. Можно сказать, что эта евангельская мысль на определенном этапе раскрылась полнее, Церковь взглянула на нее с точки зрения своего аскетического опыта, подвижнической жизни отцов-пустынников.

В других случаях мы имеем дело с объясняющими вставками, которые не ухудшают, а улучшают наше понимание того или иного стиха. Например, в Византийском тексте Евангелий часто встречается добавление имени «Иисус» в предложениях, излагающих речь или действия Господа, как в примере (1) [К1]. В результате текст становится яснее грамматически, при этом ничего не теряя в смысловом отношении.

Встречаются случаи «смягчающей», благочестивой правки, как в примере (2) [К2], описывающем шумное поведение Марфы (Лк. 10, 41). Но разве с точки зрения христианина благочестивая правка делает текст хуже?

В свете сказанного мне кажутся важными оба подхода: и попытки понять, как изначально выглядел текст НЗ, и его оценка в контексте жизни Церкви, в исторической, литургической, экзегетической перспективе.

Каким бы ни было отношение православных богословов к тексту НЗ, они всегда должны иметь в виду апологетическую составляющую. Сегодня, когда серьезными тиражами издаются

переводы книг Б. Эрмана и других критиков христианского Откровения, нельзя игнорировать проблемы, связанные с поздним характером некоторых чтений, принятых в традиции.

Кроме того, православному богослову очевидно, что Священное Писание существует в контексте Священного Предания, а не само по себе (*Sola Scriptura*). Следовательно, будет ошибкой принять за основу ряд рукописей (древних или более поздних) и объявить, что полученный на их основе текст подлинный, а значит — богодухновенный. Такой подход в принципе неверен, ведь вдохновляющее действие Бога не прекратилось сразу после того, как высохла последняя капля чернил на папирусе, содержавшем оригинал Откровения Иоанна Богослова.

Священное Писание никогда не бывает в точности одинаковым, передающим единственный смысл, потому что это не только текст, который был однажды записан, но который читается, интерпретируется, проживается тысячами христиан на протяжении сотен лет. Неудивительно, что сама жизнь христианской общины может изменять букву Писания (это касается и переводов).

Впрочем, эти изменения не бывают произвольными. Хотя Барт Эрман нашел в рукописях множество правок, которые он называет «ортодоксальными» (то есть якобы сделанными рукой «злонамеренных» православных редакторов)²², большинство этих исправлений не были восприняты церковной традицией. На мой взгляд, в результате этих усилий ученого получился довольно забавный оксюморон: «ортодоксальные исправления», отвергнутые ортодоксами.

Благодаря достижениям текстологии наш взгляд на Библию в каком-то смысле десакрализировался. Мы узнали о том, в каких формах и по каким естественным законам существовал ее текст. Но я не думаю, что Бог полностью предоставил людям все, что касается сохранения и изменения Своего Слова.

Недаром такое важное место в истории текста НЗ занимают византийские рукописи. Византийский тип текста, хотя он и поздний, доминировал в Восточной Церкви на протяжении более тысячи лет. На мой взгляд, это не может быть случайным обстоятельством, но заслуживает нашего пристального внимания, а сам текст — соответствующего отношения. Вместе

с тем, как уже говорилось, «канонизация» одного единственного типа текста (Византийского, критического или какого-то другого) — путь, уводящий от истины. Непротиворечивый взгляд на НЗ должен включать в себя и критическую реконструкцию изначальной формы текста, и его зрелую форму в виде текста большинства, и другие формы, существовавшие в разных местных традициях, переводах и писаниях отцов.

Несмотря на то что Византийский текст не может рассматриваться в качестве «апостоль-

ского оригинала», его положение в церковной традиции позволяет относиться к нему как к основному критерию [КЗ] рецепции тех или иных чтений в богослужебной практике²³.

Необходимость дальнейшей разработки универсальной концепции Священного Писания в контексте Предания, предусматривающей подробное исследование богатейшей традиции передачи новозаветного текста, ставит перед православными библеистами большую задачу, которую еще предстоит решить.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ehrman B. D. The Orthodox Corruption of Scripture. The Effect of Early Christological Controversies on the Text of the New Testament. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Metzger B. M., Ehrman B. D. The Text of the New Testament. Its Transmission, Corruption and Restoration. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Wallace D. B. The Majority Text Theory: History, Methods, and Critique // The Text of the New Testament in Contemporary Research: essays on the status questions/Bart D. Ehrman, Michael W. Holmes. 2nd ed. Leiden, Boston: Brill, 2013. XLII[K4].
- Bock D. L., Wallace D. B. Dethroning Jesus: Exposing Popular Culture's Quest to Unseat the Biblical Christ. Nashville; Dallas; Mexico City; Rio De Janeiro; Beijing: Thomas Nelson, 2007.
- Fee G. D. The Majority Text and the Original Text of the New Testament // Studies in the Theory and Method of New Testament Textual Criticism/Irving Alan Sparks, J. Neville Birdsall, Sebastian P. Bock, Eldon Jay Epp, Gordon D. Fee. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Co., 1992. XLV[K5].
- Сагарда Н. И. Первое соборное послание святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Полтава: Торг. Дом «Л. Фришберг», 1903.
- 1 Хотя в эту статью не вошел разбор чтений, которые, по мнению критиков, оказывают серьезное влияние на смысл новозаветного текста, можно утверждать, что ни одно из них не представляет непреодолимых трудностей для христианского богословия. По словам Дэниэла Уоллеса, «...значительные текстовые варианты, изменяющие основные доктрины Нового Завета, пока не были обнаружены» (Bock D. L., Wallace D. B. Dethroning Jesus: Exposing Popular Culture's Quest to Unseat the Biblical Christ. Nashville; Dallas; Mexico City; Rio De Janeiro; Beijing: Thomas Nelson, 2007. P. 70).
- 2 Commentarii in Joan. PG 6.40. См. также: Metzger B. M., Ehrman B. D. The Text of the New Testament. Its Transmission, Corruption and Restoration. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 201.
- 3 Знакомство с критическим аппаратом изданий The Greek New Testament (UBS) или Novum Testamentum Graece (Нестле-Аланда) позволяет увидеть, какие именно разночтения встречаются в рукописях НЗ. Можно также ознакомиться с фотокопиями некоторых древних кодексов, напр. см.: URL: <https://www.codexsinaiticus.org>; URL: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=royal_ms_1_d_viii_fs001r; URL: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.1209 (дата обращения: 19.07.2019).
- 4 Александрийский текст, кроме древних папирусов, представлен Синайским (?) и Ватиканским (В) кодексами, рядом более поздних рукописей.
- 5 Среди самых известных свидетелей Западного типа — кодекс Безы (D) и рукописи древнейшего латинского перевода, Италы (it).
- 6 Истоки Византийского типа находятся в древности. Многие исследователи связывают его с рецензией Лукиана Антиохийского (IV в.).
- 7 В. Пикеринг, З. Ходжес, А. Фэрстед, В. Пирпонт, М. Робинсон и другие.
- 8 При этом нужно подчеркнуть: когда речь идет о Византийском типе, большинство ученых имеет в виду совокупность чтений, которая складывалась постепенно. Присутствие отдельных «византийских» вариантов, например, в некоторых древних папирусах еще не говорит о существовании во II–III вв. Византийского типа как системы чтений.
- 9 См.: Fee G. D. The Majority Text and the Original Text of the New Testament // Studies in the Theory and Method of New Testament Textual Criticism/Irving Alan Sparks, J. Neville Birdsall, Sebastian P. Bock, Eldon Jay Epp, Gordon D. Fee Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Co., 1992. XLV; Wallace D. B. The Majority Text Theory: History, Methods, and Critique // The Text of the New Testament in Contemporary Research: essays on the status questions/Bart D. Ehrman, Michael W. Holmes. 2nd ed. Leiden, Boston: Brill, 2013. XLII.
- 10 Самый известный труд этого автора — критическое издание византийского «текста большинства» (The New Testament in the Original Greek according to the Byzantine // Majority Textform. 1991). Очень важным дополнением ко второму из-

- данию стала статья «The Case for Byzantine Priority», в которой Робинсон излагает свое видение гипотезы ВП и пытается последовательно отразить атаки на нее.
- 11 Например, «стемматический» метод Ходжеса и Фэрстеда принес результаты, которые противоречили ожиданиям авторов. В полученном ими материале другие исследователи обнаружили ряд чтений «меньшинства» (вариантов из рукописей Александрийского и Западного типов), что, по замечанию Уоллеса (см.: Wallace. Ibid. P. 724), идет вразрез даже с названием опубликованного авторами издания: «Греческий Новый Завет согласно тексту большинства» (Hodges Z., Farstad A. The Greek New Testament According to the Majority Text. 2d ed. Nashville: Thomas Nelson, 1985).
- 12 См.: Fee G. D. Ibid. P. 198.
- 13 Хотя позиция некоторых защитников ВП не столь категорична. Так, Робинсон использует методы текстуальной критики, но при этом оговаривает принципиальные отличия своего метода (например, отказ от безусловного приоритета «кратких чтений»).
- 14 Так, довольно много проблем вызывает наличие двух редакций Апокалипсиса, встречающихся в византийских рукописях, одна из которых совпадает с текстом из толкований Андрея Критского, а другая характерна для лекционных.
- 15 Также встречаются ссылки: на Пс. 11, 7; Пс. 118, 89; Ис. 40, 8; Мф. 24, 35; Ин. 10, 35; 1 Пет. 1, 23–25. Смысл всех этих цитат можно понимать как в пропозициональном, так и в непропозициональном смысле.
- 16 Wallace D. B. Ibid. P. 728. Ref. 72: «...во многих местах все сохранившиеся свидетели настолько повреждены, что приходится прибегать к критической реконструкции (conjectural emendation)». Другими словами, многие реконструкции ветхозаветных чтений — догадки на основании общего контекста.
- 17 Вопрос о расхождении Марка и других синоптиков привлекает внимание критиков, ведь такая картина явно противоречит фундаменталистскому пониманию богодухновенности Писания. Однако с точки зрения сторонника непропозиционального взгляда эти расхождения не создают серьезных проблем (см. публичный диспут Крейга Эванса с Бартом Эрманом: Does the New Testament present a reliable portrait of the historical Jesus? Dispute at Saint Mary's University. 19.01.2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ueRldrIzsvs> (дата обращения: 23.09.2019)).
- 18 В Библии действительно содержится слова Бога (например, в Нагорной проповеди), но они передаются учениками, которые сохранили эти слова в своей памяти. С помощью Духа они изложили смысл этих слов, хотя и не дословно: Господь Иисус произнес Свои притчи, скорее всего, на арамейском языке, но до нас они дошли на греческом, в разных редакциях евангелистов. Таким образом, мы можем подходить к Писанию пропозиционально, но в несколько ограниченном смысле.
- 19 См., напр.: Сагарда Н. И. Первое соборное послание святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Полтава: Торг. Дом «Л. Фришберг», 1903. С. 243.
- Иоаннову вставку просто опасно использовать в полемике с антиринитаристами, которым хорошо известен поздний характер этого чтения.
- 20 В древнейших русских Евангелиях (Остромировом и Архангельском 1092 г.) ПП вообще отсутствует. При этом перикола не используется в качестве рядового чтения (это касается и современных изданий богослужебных Евангелий, в которых нет рядового зачала, содержащего этот текст). Отсутствует ПП и среди чтений на памяти святых жен, — в месяцесловной части этих древних апракосов выбраны другие тексты (о 10 девах, о женщине, возливающей миро, и др.).
- 21 Например, помимо традиционного чтения на малом освящении воды Ин. 5, 3b — 4, можно предложить также Ин. 4, 7–14.
- 22 См.: Ehrman B. D. The Orthodox Corruption of Scripture. The Effect of Early Christological Controversies on the Text of the New Testament. N. Y., Oxford: Oxford University Press. 1993.
- 23 Впрочем, остается вопрос определения «чистого» византийского текста. Будет ли это ранняя версия группы рукописей «П» или подходящим окажется более поздний «срез» периода студийской реформы, пока сказать трудно. Это еще один вопрос, на который необходимо ответить православным библеистам. Неплохим вариантом можно считать упоминавшуюся выше публикацию Робинсона, воспроизводящую «усредненный» Византийский текст.